

Высоцкий против...

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

Четверть века назад в разгар политических и спортивных страстей вокруг московской Олимпиады умер Владимир Высоцкий. И все эти четверть века новые поколения жителей нашей сильно видоизменившейся страны слушали рвущийся из души и рвущий уши голос — с пленок, кассет, дисков, подражали, показывали свою причастность его жизни и к его творчеству. Говорят, летний день год кормит. Однако с Высоцким произошло обратное: явно едва ли не год готовились к тому, чтобы «покормить» публику в день его памяти.

Круглые сутки все теленовости, включая и наши, ярославские выпуски, показывали кадры и те же кадры: люди на Ваганьковском кладбище, порононы, нарезка фрагментов из фильмов и спектаклей. Как всегда бывает в подобных ситуациях, востребованными оказались хранители памяти, таганковские актеры Золотухин и Хмельницкий. Эти же актеры мелькали в записях фрагментов из старых спектаклей, один — по правую руку, с гармошкой, другой — по левую, с гитарой. Кто из зрителей, новых, телевизионных, и прежних, театралных, знал, что близкие отношения у Высоцкого были с этими партнерами не всегда. Да, Хмельницкий бойко подражал хриплому пению Высоцкого, чем привлек к себе внимание... сразу после смерти того. Да, Золотухин играл с ним вместе с первых же спектаклей. Но ничего особенного, прежде неизвестного, а главное — индивидуального, рассказать о Высоцком эти пожилые люди не могут. Не сочинять же откровенную ложь.

И потому, кто бы и кто ни говорил о Высоцком в этот день, смысл был один и тот же: Высоцкий был антагонистом системы, в которой жил. Один против всех, «все тонет в фантасмагории», как говорил стихами Пастернака его Гамлет в таганковском спектакле. Смотрела я на Высоцкого и его коллег, а мало кому известных друзей, как видно, ближайших, поскольку знали о нем такое... такое... такое... Смотрела и ощущала двойственность посылки авторов телесюжетов: они были адресованы и современникам Высоцкого, предлагая вместе вспомнить то, что прежде было дорогим и важным, и неопитам, готовым при-

нять за чистую монету любой трюизм и любую полуправду.

«Такое... такое... такое...» преподнес канал «Россия» в фильме одного из немногих уцелевших на эфирных просторах подлинных документалистов В. Манского. В своей привычной манере бытописания, когда совершенно неважно, сколь значим человек с формальной точки зрения, когда интересна повседневность, где этот человек остается самим собой, Манский сделал фильм «Владимир Высоцкий. Смерть поэта». И насмерть изменил самому себе, не изменив по сути отношения к Высоцкому. Впрочем, может быть, высокопарность заголовка фильма носила, по замыслу авторов, характер художественной провокации: возможно, нам хотели ска-

На следующий день после показа программ о Высоцком я встретилась с массой абитуриентов. Прочитывать большинство из них могли только «жираф большой», в лучшем случае — «здесь вам не равнина».

зать, что Высоцкий, в отличие от своих великих предшественников, погиб не по причине того, что был «против всех», а потому, что был «против самого себя»? Что-то в таком духе прозвучало из уст одного из его друзей, не актеров; мол, пусть молодежь посмотрит и узнает, что ее кумир погиб из-за наркомании, испугается и откажется от наркотиков.

Выглядело это неубедительно, ибо подробные рассказы об усилиях врачей и их «недоработке» по его спасению были вялыми и старательными (сказывалось неумение «простых людей» вести монолог перед телекамерой), а появление в барном интерьере некоей ху-

дожницы по костюмам, не вявавшей лыка в описании ее собственных ощущений в последние его дни, стало не столько сенсацией, сколько вызывающим безразличное отношение к ней «ляпом» авторов фильма. Тут вам Марина Влади, которой почти не было ни в текстах, ни в телекадрах, — красавица, талантливая и сильная женщина; а тут вам эта... эта... эта... Смотрите, мол, как опустился ваш кумир?

Фильм Манского, разрекламированный в связи с тем, что наследники Высоцкого запретили давать в нем песни, был действительно немой. То есть слов об исколотых руках и немотивированных поступках хватало, а звуков голоса и лица актера практически не было. Ну, впрочем, кунсткамеры у нас любят с давних пор, за спиритованные уродцы ездят даже на гастроли, так что функцию медико-просветительскую, возможно, фильм и выполнил.

А возможно — и нет. Странное свидетельство чего я получила буквально на следующий день, но об этом чуть ниже. А пока, накладываясь в эфирной сетке друг на друга, шли еще две передачи. Одна — простодушный повтор «Кинопанора-

мы» на канале «Культура». Вторая — сделанная специально и, несмотря на кажущееся простодушие, самая точная по ощущению и по содержанию — на канале ТВЦ. В «Гамлете с Таганской площади» давались большие куски из нескольких спектаклей и фрагменты рассказа Высоцкого на гастролях в Болгарии. Очень поучительно было. Высоцкий там был кроток и мудр, он отнюдь не был «против» — ни власти в государстве, ни руководства в театре. Ах, как умело и четко формулировал он вполне советские идеи знаменитых таганковских постановок; ах, как зло играл пародийные роли вроде Керенского, хотя взрыв-

чато и драматично — есенинского Хлопушу.

Однако «политпросвет» под маркой Высоцкого сыграл свою весьма примитивную роль, я бы даже сказала — недобрую шутку с не слишком продвинутой молодежью. На следующий день после показа программ о Высоцком я встретилась с массой абитуриентов. Стоит ли говорить, что через одного-двух, рядом с Блоком и Ахматовой, Шолоховым и Булгаковым (привет школьной программе!) шел «выдающийся поэт XX века» Высоцкий. Но процитировать могли только «жираф большой», в лучшем случае — «здесь вам не равнина». Один, наиболее самоуверенный, даже взялся было доказывать, что Высоцкий именно и в первую очередь — поэт, а не актер и не автор-исполнитель песен. Юноша, дезориентированный одним телевизионным днем, решил, что если Высоцкий был против власти и против власти штампов, то сам этот факт уже есть гарантия его поэтического величия.

Он был человеком своего времени и своего, что домашнее, что театрального, воспитания. Из моих собственных воспоминаний: подойдя в театре к доске расписания, где висел листок с детальной и разгромной критикой его работы в очередном спектакле (такие листки Ю. Любимов вывешивал регулярно, постоянно отслеживая качество даже очень

давних спектаклей), Высоцкий — утром, перед репетицией, на вид трезвый — этот листок вырывает из-под стекла и, картинно громко ругая «ничего не понимающего в творчестве» старое... засовывает руки в карманы самых что ни на есть фирменных джинсов, идет по коридору. И притихшие коллеги с завистливым восхищением смотрят ему вслед: какой смелый, он «против» самого Юрия Петровича, мэтра и божества.

Скажу о том, что мотив противостояния и через 25 лет после смерти актера оказался громче, чем мотив творческой его разносторонности. Иначе зрители увидели бы хоть небольшой фрагмент из лучшей, на мой взгляд, театральной роли зрелого Высоцкого — чеховского Лопахина, элегантного, нежного, умного и сильного. Увидели бы и лучшую, да простят мне поклонники Глеба Жеглова, телевизионную работу Высоцкого: пушкинский Дон Гуан с его болью и заботой о возлюбленной в последний миг жизни — достижение едва ли не мирового уровня. Вот тогда мотив «Высоцкий против...» стал бы объемнее, ибо на самом деле талантливый человек был против элементарности, которую (по крайней мере в художественной сфере) научился преодолевать.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.